

Michael Weisskopf
Борьба за Афанасия Фета

В 2007—2008 годах в журнале «Наше наследие» С. В. Шумихин напечатал, со своими ценными комментариями, интереснейший корпус писем Г. П. Блока Б. А. Садовскому, датированных 1921—1922 годами. Значительная часть их посвящена Фету, которого оба они боготворили. Письма самого Садовского пока не найдены. Инициатором переписки был Г. Блок¹. Углубившись в изучение Фета, он надумал заручиться помощью признанного знатока темы, к тому же человека, идеологически ему близкого.

Подобно многим другим почитателям поэта, обоих корреспондентов в первую очередь интриговала тайна его происхождения. «Перед этим вопросом, — говорит Шумихин во вступительной статье, — неизбежно останавливались все исследователи; и тогда, и позже он вызывал горячие прения». Здесь подразумевается гипотетическое еврейство Фета. Туманно заметив, что «национальная или расовая принадлежность автора *далеко не всегда прямолинейно* определяет его творчество (достаточно вспомнить о предках Пушкина)», публикатор с недоумением прибавляет, что «по отношению к Фету этот аспект почему-то приобрел неправомерно большое значение». Публикуемый материал служит наилучшей тому иллюстрацией, о чем пишет и сам Шумихин: «Очень подробно обсуждается Блоком и Садовским, говоря современным слогом,

© Michael Weisskopf, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Фет, Блок и Садовской. Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому. 1921—1922 // Наше наследие. №№ 83—84. 2007; № 85. 2008. Вступительная статья, публикация и примечания С. В. Шумихина. Поскольку сам журнал остался для меня недоступным (его нет даже в РГБ), я вынужден был воспользоваться сайтом: nasledie-rus.ru/podshivka/8211.php. Курсив в цитатах здесь и далее мой. — М. В.

„пятый пункт” анкеты Фета. Увы, антисемитская жилка в те годы активно пульсировала у обоих, и умолчать об этом было бы неверно. Получив первое письмо от Блока, Садовской прежде всего счел необходимым справиться у Б. Л. Модзалевского, *ариец* ли написавший ему. Невесту себе он просил найти непременно также арийского происхождения» — а вдобавок наделенную изяществом и прочими мыслимыми и немыслимыми достоинствами. (Некоторую пикантность, добавим от себя, этим матримониальным изыскам придает то обстоятельство, что Садовской давно уже болел сифилисом, причем в крайне тяжелой форме, а потому сомнительно, чтобы подобный брак осчастливил его расово чистую супругу, если б и нашлась таковая.)

Как бы то ни было, Г. Блок всецело одобряет расовую пылкость старшего коллеги — «Думаю, что на Вашем месте я тоже стал бы наводить подобные справки», — и приводит свою краткую родословную, вроде бы доказывающую, что и он, Блок, — ариец. В итоге все «вышло очень весело», и умиротворенный Садовской стал охотно отвечать на его вопросы (правда, потом, при личной встрече, он с ним почему-то навсегда рассорился). Самый первый из них — в письме от 4 марта 1921 — естественно, включал и такой пункт: «Откуда (у Фета. — М. В.) еврейская кровь?»

Для Садовского эти страхи усугублялись тем, что он считал Фета поэтом, едва ли не равным Пушкину, и в зачине одной из своих статей 1910 года даже возгласил: «Сам по себе тот факт, что Россия целиком прозевала Фета, — страшен: он заставляет усумниться в праве нашем на национальное бытие»². При такой экстатической оценке понятна и его обостренная чуткость к чистоте крови. В конечном счете, это была борьба за расовые приоритеты. Но проблема чрезвычайно интриговала и людей, далеких от ариософских забот. Приведу вкратце главные этапы ее векового развития.

Уже в 1898 году, вскоре после смерти поэта, фраза «его мать была немкой еврейского происхождения» появилась

² Садовской Б. А. А. Фет // Б. Садовской. Лебединые клики. М. 1990. С. 379.

в мемуарах Я. П. Полонского³, который прекрасно знал Фета и которому тот в свое время напомнил об их «постоянных дружеских, или лучше сказать, братских отношениях в течение сорока лет; ты один из четырех человек, которым я в жизни говорю ты»⁴. Через год Н. Гутъяр вслед за Полонским тоже назвал ее «немкой еврейского происхождения»⁵ (в 1907-м он повторит это в своей книге о Тургеневе). Седьмого апреля 1921 года Г. Блок делится с Садовским своей давней тревогой: «И недаром же все, кто знал Фета, утверждают, что у него была еврейка-мать. То же повторяет и Толстой, знавший его еще очень молодым и экспансивным и имевший, может быть, случаем слышать что-нибудь по этому поводу от самого Фета».

В итоге сложилась своеобразная дихотомия — теория двух национальных векторов в личности Афанасия Афанасьевича, объясняющая его пресловутую двойственность. Трактывались эти начала довольно прихотливо, в зависимости от предпочтений того или иного автора. Так, в своей книге 1916 года о Фете «Радость земли» Д. Дарский, веривший в отцовство А. Н. Шеншина, пишет: «„Страдалица-мать“, дочь „туманной“ Германии, полужеврейка по крови, привила своему сыну идеалистическое тяготение к запредельному, к сверхземному и ту пустынную меланхолию, которая так впиталась в исконно гонимую, скорбную расу. Но сверх того Фет был и Шеншин, наследственный потомок необозримого ряда кровных землевладельцев, пахарей и усадебных владык»⁶. Менее драматическое впечатление поэт произвел на Г. А. Ра-

³ Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания // Я. П. Полонский. Проза. М. 1988. С. 412.

⁴ Письмо Полонскому от 26 декабря 1887 г. — ЛН. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. М. 2008. С. 615. См. также в письме Фета к К. Р. от 16 января 1888 г.: «Мы с Полонским по-прежнему братья по душе». — Там же. Кн. 2. М. 2011. С. 666.

⁵ Гутъяр Н. И. С. Тургенев и А. А. Фет // Вестник Европы. Т. 6. 1899. С. 316.

⁶ Дарский Д. «Радость земли». Исследование лирики Фета. М. 1916. С. 33. Любопытно, что это противопоставление поддержал Розанов в рецензии на статью Дарского, предшествовавшую выходу его книги: «У Фета мать была еврейка и отец русский, — одна измученная и несчастная, другой — сильный и властный человек». — Розанов В. В. О писательстве и писателях. М. 1995. С. 616.

чинского, в 1929 году поведавшего Садовскому: «Мне казалось, что я вижу мудрого, спокойного талмудиста. И в то же время чувствовался старый барин»⁷. В кругу Толстого еврейская компонента, напротив, вызывала отчетливое неприятие, о котором я подробнее скажу чуть позже.

Существовало также мнение, будто евреем был и подлинный отец поэта. В воспоминаниях, изданных в 1937 году, И. Грабарь, называя его мать «красавицей-еврейкой», а отца — «кенигсбергским корчмарем», ссылается затем на устный рассказ своего приятеля, известного коллекционера, прекрасного знатока жизни и творчества Фета, Н. Н. Черногубова. Оказывается, твердо решив выведать происхождение любимого автора, тот «поехал к нелюдимому Фету в его имение, сумел завоевать его полное расположение и пробыл там целое лето <...> Он бывал у Фета после этого еще не раз, был даже в день его смерти и присутствовал на похоронах. Черногубов знал, что у Афанасия Афанасьевича давно уже был таинственный конверт, лежавший всегда под его подушкой, с надписью: „Вскрыть после моей смерти“. В нем, по догадкам Черногубова, должна была находиться окончательная разгадка происхождения поэта. Конверт после смерти действительно был вскрыт родными, после чего его вложили в гроб, тоже под подушку, но Черногубов не знал его содержания. У него хватило решимости достать конверт и ознакомиться с его содержанием. *То было письмо матери поэта, на конверте которого стояли те же слова: „Вскрыть после моей смерти“*»⁸.

Несколько иную историю насчет рокового письма, вложенного в гроб, приводит Илья Эренбург в своей книге «Люди, годы, жизнь»: «Племянник Фета, Н. П. Пузин, рассказывал мне, что поэт из письма-завещания своей покойной матери узнал, что его отцом был гамбургский еврей. Мне рассказывали, что Фет завещал похоронить письмо вместе с ним <...> После революции кто-то вскрыл гроб и нашел письмо»⁹.

⁷ Цит. по: Шумихин С. В. Вступительная статья: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому.

⁸ Грабарь И. Э. Моя жизнь. Автобиография. М. 1937. С. 252—255. Благодарю Марка Кипниса за это и ряд других ценных указаний.

Первым исследователем, который, на основании доступных ему документов, опроверг общее представление о еврействе Фета, стал именно Г. Блок. Тем не менее, как отмечает Шумихин, опубликовать эти выводы он просто не успел, ибо в 1925 году (вскоре после издания своей замечательной книги «Рождение поэта») был арестован по т.н. делу лицейстов.

Но откуда взялась тогда специфическая внешность «мудрого талмудиста»? Ее отмечали постоянно, а интерпретировали зачастую враждебно — даже те, кто восхищался поэтическим гением Фета. Сюда относится ближайшее окружение Толстого: сестра Софьи Андреевны Т. А. Кузминская (та самая, которой посвящено стихотворение «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»), дочь Льва Николаевича Татьяна (Сухотина) и ее брат Сергей. Последний в своих воспоминаниях, подготовленных к изданию тем же Пузиным, называет наружность Фета «характерной»: «Большая лысая голова, высокий лоб, черные миндалевидные глаза, красные веки, горбатый нос с синими жилками <...> Его еврейское происхождение было ярко выражено, но мы в детстве этого не замечали и не знали»¹⁰. И у Сергея Львовича, и у Кузминской с национальным генезисом поэта явно согласованы его психологические пороки (входившие в стереотипный набор юдофобских инвектив): жесткость, расчетливость, холодность к людям, искательность и честолюбие. Да и Гутьяр, симптоматически сопоставивший фетовские мемуары с «приходно-расходной книгой», одновременно порицал автора за болезненное влечение к аристократии¹¹.

По убеждению П. Бартенева, еврейское происхождение Фета «ярко и несомненно выказывалось его обличем»¹². Решительно поддержав этот аргумент, «характерные еврейские черты» в его лице отметил также известный исследователь В. С. Федина (Ильяшенко), предположительно связавший их

⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 52—53.

¹⁰ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула. 1968. С. 336.

¹¹ Гутьяр Н. М. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев. 1907. С. 303.

¹² Бартнев П. Из записной книжки издателя «Русского архива» (Об А. А. Фете и его кончине) // Русский архив. 1909. № 1. С. 170.

с родом Беккеров, к которому принадлежала мать поэта: «На известном портрете И. Е. Репина, писанном в 1881 году, они особенно бросаются в глаза. Пусть это доказательство и не так убедительно, как документальные данные, — вполне возможно предполагать, что Беккеры были еврейского происхождения, хотя бы по женским линиям»¹³.

Коль скоро в экспертных суждениях широко используются визуальные наблюдения, решаюсь поделиться и своими собственными. Я живу возле одного из религиозных кварталов Иерусалима, по улицам которого люди, неотличимые от Фета, ходят десятками¹⁴.

Его типаж возвращает нас в область слухов и предположений, нанизанных на готическую историю с загадочным письмом. Несомненно, она была знакома Садовскому: ведь с Черногубовым он поддерживал достаточно близкие отношения. Что касается версии Эренбурга, то мы, конечно, не знаем, кто и зачем, согласно его рассказу, вскрыл гроб Фета и прочел текст, да и состоялось ли само вскрытие. Зато известно, кто хотел это сделать. Это был все тот же Борис Садовской.

«Любовь моя к Фету стала болезненной страстью, — признавался он. — Я жил вдвойне: за Фета и за себя <...> Обдумывал план *отправиться на могилу Фета, вскрыть гроб и насмотреться на кости*. Кошмары эти были приятны»¹⁵. Как бы ни стремился мемуарист эпатировать читателя, дело вряд ли сводилось к подобным приятностям. Невозможно представить себе, скажем, самого пламенного поклонника Пушкина или Толстого, который мечтал бы разрыть их могилы, чтобы всласть налюбоваться костями любимых писателей. Скорее всего, Садовской просто фантазировал относительно самой возможности добыть из гроба роковое письмо, чтобы лично удостовериться в истине.

¹³ Федина В. С. А. А. Фет. Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 34—35.

¹⁴ Ср., кстати, характерную реплику С. Есенина, который, раскрыв книгу Фета, показал его портрет Вольфу Эрлиху: «Ты посмотри! Абрам! Совершенный Абрам! А какой поэт!». — Эрлих В. Право на песнь. Л. 1930. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 158.

Столь же допустимо, что о тайне «гробового письма» успел прослышать и Г. Блок. В середине апреля 1921 года он уведомил И. С. Остроухова о завязавшихся контактах с Садовским: «Я написал ему вторично, прося более *«гробокопательских»* сведений»¹⁶. Получил ли он их, мы не знаем.

Блока тоже угнетала неотвязная мысль о еврейском лице Фета. Уже в третьем своем письме к Садовскому — от 7 апреля — он делится с ним мрачной догадкой, подсказанной популярными тогда расоведческими и биологическими штудиями: «Передача сходства — дело капризное. Ученые, создавшие новую науку „Евгенику“, рассказывают по этому поводу много любопытного (*кстати, они очень заинтересовались Фетом и наседают на меня со всякими анкетами*)». Вслед за Фединой Блок затем рассуждает о том, не имел ли «еврейского происхождения» Беккер, дед поэта со стороны матери: «*Ведь это кровь стойкая, иной раз десятками поколений ее не вывести*». Видимо, в его опасениях звучит и собственный семейный опыт¹⁷. Но уже 27 сентября того же 1921 года он радостно извещает единомышленника о результатах своих разысканий в области фетовской родословной: «Еврейского нигде ни капли».

Новость, безусловно, пришлась по вкусу адресату¹⁸, но до конца не развеяла его скепсиса. Спустя пять с половиной лет Садовского все еще пугает тот репинский портрет, вывешенный в Третьяковке, который с такой шокирующей очевидностью запечатлел еврейские черты поэта. Об этом жгучем беспокойстве свидетельствует письмо К. И. Чуковского И. Е. Репину, датированное пасхой 1927 года: «Как относился к Вашему творчеству Фет? О чем Вы говорили с ним во время сеансов? *Что сказал он о своем портрете Вашей работы? Как восприняла Ваш портрет Марья Петровна (его жена)?* Спрашиваю я не из пустого любопытства. Борис Садовской, заканчивая биографию Фета, просит меня передать Вам эти вопросы и умо-

¹⁶ Цит. по: Шумихин С. В. Вступительная статья: Письма Г. П. Блока к Б. А. Садовскому.

¹⁷ См., например: Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М. 1995. С. 261.

¹⁸ См.: Садовской Б. Записки (1881—1916). Публикация С. В. Шумихина // Российский архив. М. Т. I. 1994. С. 169.

ляет Вас ответить на них как можно подробнее»¹⁹. Легко догадаться, на что надеялся Садовской, — но, увы, из ответов следует, что ни у самого Афанасия Афанасьевича, ни у его жены изображение никаких протестов не вызвало (хотя, как подчеркивает Репин, в других случаях Фет крайне бесцеремонно вмешивался в его работу)²⁰.

В 1942 году расоведческую эстафету подхватил в нацистской Германии славист Р. Траутман, поместивший в «*Zeitschrift für slavische Philologie*» заметку о происхождении матери поэта²¹. В своей капитальной монографии о Фете американская исследовательница Эмили Кленин с деликатной уклончивостью назвала этот материал «ценным свидетельством породившего его *Zeitgeist*'а»²². В 1990-м, когда тот же *Zeitgeist* уже благополучно акклиматизировался в России, свой — неполный, как указала Кленин, — перевод Траутмана в сверхпатриотической «Литературной России» напечатал некто Ю. Юдашкин; еще через пару лет заметку переиздали в курском сборнике, посвященном Фету²³, — почему-то снова без ссылки на дату и место нацистской публикации, зато в уютном соседстве со статьей В. В. Кожина. Я должен уточнить, что купюры носят, в общем, второстепенный характер — но, вместе с тем, слегка скрадывают розенберговскую одиозность этих немецких разысканий, которые вышли во время войны с Россией. В зачине оригинала дважды используется специфически нацистский термин: Траутман счел Фета, наряду с Хемницером и Кюхельбекером, «вероятно, третьим *Reichsdeutsche*» на русском Парнасе — по крайней мере, у него, как и у Герцена, была «*reichsdeutsche Mutter*»²⁴. Применительно ко

¹⁹ Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка 1926—1929. М. 2006. С. 262.

²⁰ Там же. С. 264.

²¹ Trautmann R. Die Mutter von A. Fet-Šennšin // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XVIII. S. 19—20.

²² Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Köln-Weimar-Wien. 2002. P. 62.

²³ Траутманн Р. Мать А. Фета-Шеншина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. научных трудов. Курск. 1992. С. 299—301.

²⁴ Trautmann R. Op. cit. S. 19. В качестве лингвиста автор не был эрудитом по части русской литературы, а потому в своем перечне умудрился упустить Фонвизина, Дельвига и тьму других немецких обитателей «русского Парнаса».

всем трем поэтам Юдашкин просто заменил обозначение Reichsdeutsche словом «немец»; однако мать Фета — очевидно, для большего благозвучия и основательности — он величает все же «имперской немкой» (статус, не совсем понятный сегодняшнему читателю). Цель самого Траутмана, заявленная им в конце заметки, — опровергнуть уже известное нам утверждение Гутьяра о том, будто Шарлотта Беккер была «немкой еврейского происхождения». При всем том нетрудно догадаться, что в Германии 1942 года и на оккупированных ею территориях Reichsdeutsche с внешностью Фета не стоило выходить на улицу.

Труды своего национал-социалистического предшественника энергично продолжили покойный В. Кожин²⁵ и его соратница из Хельсинки — Вероника Шеншина. Последняя провела в Дармштадте кропотливую архивную работу и, отважно одолев препоны «древнего немецкого шрифта» (то бишь, обычного готического шрифта, широко использовавшегося в Германии еще и в XX веке), восстановила, по ее словам, «правду, в частности, относительно вероисповедания матери поэта и ее родственников: из архивных источников следует, что все они были лютеранского вероисповедания»²⁶. Само по себе это обстоятельство, правда, мало что доказывает, — но для юдофобов оно прозвучало весьма утешительно.

Не довольствуясь достигнутым, Кожин и Шеншина попытались заодно снабдить Фета настоящим русским (вернее, татарско-русским) отцом — тем самым А. Н. Шеншиным, с которым беременная Шарлотта Беккер уехала от мужа из Дармштадта в Россию. Как известно, уже будучи знаменитым поэтом и видным публицистом-консерватором, Фет сумел упротребить снисходительного Александра II вернуть ему «утраченную» им еще в детстве фамилию Шеншин и сопряженный с ней дворянский статус — на которые, по существу, не имел ни малейшего права. Что касается Вероники Шеншиной, ра-

²⁵ Кожин В. В. О тайнах происхождения Афанасия Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск. 1993. С. 322—328.

²⁶ Шеншина В. А. Дармштадские документы в биографии А. А. Фета // 18 Фетовские чтения. Афанасий Фет и русская литература. Курск. 2004. С. 6—7.

душно причислившей Фета к собственным предкам, то ее страстный, хотя и заочный, русский патриотизм дополняется простительными клановыми амбициями. Трудность тут состоит лишь в отсутствии каких-либо доказательств — но она заменяет их доводами возвышенного и задушевного свойства. Во-первых, *«по своей глубинной сущности и мироощущению Фет оставался человеком исконно русским»*. А главное, что *«с указом государя, как и с волей самого поэта, исследователям придется смириться»*²⁷. Досадно, конечно, что монарх не оставил нам в придачу и других бесценных рескриптов — например, на счет происхождения «Слова о полку Игореве» — и оттого обрек ученых на излишние хлопоты.

* * *

Подводя итог всей этой увеселительной истории, необходимо будет признать, что опубликованные документы, действительно, никак не подтверждают расхожого мнения о еврействе великого лирика. Однако столь бурное и столь затянувшееся обсуждение проблемы позволяет взглянуть на нее с совсем иной стороны: я имею в виду особое и почти беспрецедентное для русской литературы отношение Фета к этическим основам иудейской религии.

В 1845 году Фет вступил в армию. В начале своей службы в штабе корпуса он, среди прочего, заведовал т. н. кантонистским столом. Его подопечные, пишет он в мемуарах, были набраны из «четырех губерний: Херсонской, Киевской, Подольской и Волынской» (что, несомненно, указывает на обилие среди них евреев). Ему приходилось обучать их грамоте, Ветхому и Новому завету, молитвам, географии и пр.²⁸ Сделавшись полковым адъютантом, он, согласно служебным предписаниям, также окрестил 15-летнего еврея-кантониста, дав ему фамилию Афанасьев, — производную, понятно, от имени

²⁷ Там же. С. 7, 11. Этот вердикт вызвал ироническую реплику у Шумихина, напомнившего об исследовании И. А. Кузьминой (Материалы к биографии А. А. Фета // Русская литература. 2001. № 3), которое окончательно разрушило домыслы по поводу отцовства А. Н. Шеншина.

²⁸ Фет А. Ранние годы моей жизни. М. 1893. С. 351—352.

самого крестного. «Впоследствии, — прибавляет Фет, — в должности полкового адъютанта мне привелось быть восприемником многих евреев. И таких Афанасьевых оказалось не менее десяти»²⁹.

В этом казарменном благочестии было все же нечто казусное, если принять во внимание его изначальную предрасположенность к атеизму, скрепленную со стойкой враждой к официальному исповеданию, богословской догматике и церковным таинствам. Но здесь он просто подчинялся приказу и, как всегда, подчинялся добросовестно. (Вспоминается девиз Н. Кукольника: «Если царь прикажет — через два месяца акушеркой стану».) Свою всегдашнюю нелюбовь к ритуалам и клиру Фет вынес из протестантской — точнее, гернгутерской — школы в Верро (ныне г. Выру в южной Эстонии), где он с успехом проучился три года и о которой не раз вспоминал с уважением и благодарностью. Между тем гернгутеры ревностно штудировали не только Новый, но и т.н. Ветхий завет, причем им были отнюдь не чужды юдофильские настроения, ярко выраженные у такого теоретика и панегириста этого движения, как Г. Юнг-Штилинг, превосходно известный в России. В своем аллегорическом романе „Das Heimweh“, как и в других трудах, тот с энтузиазмом предсказывал даже возвращение «израильского народа» в Землю обетованную³⁰. Не оказались ли его писания одним из импульсов для вводной строфы знаменитого стихотворения, созданного Фетом в 1844-м, через несколько лет после Верро и за год до начала военной службы?

Когда мои мечты за гранью прошлых дней,
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как древний иудей
На рубеже земли обетованной.

Так или иначе, безусловно, именно у гернгутеров он набрался знаний, пригодившихся ему теперь для окормления

²⁹ Там же. С. 439.

³⁰ См. в русском переводе Ф. Лубяновского: «Тоска по отчизне». Ч. 3. М. 1817. С. 22. Подробнее об этом см.: Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. М.— Иерусалим. 2008. С. 35—37.

армейской паствы. Ведь среди кантонистов, помимо малолетних детей, встречались, как мы только что видели, подростки или юноши. Миссионерская работа с ними требовала определенной эрудиции и полемической сноровки. Но и без того в черте оседлости Фету приходилось постоянно соприкасаться с евреями. Видимо, поэт и сам приобрел тогда кое-какие представления об иудейской традиции, следы которой различимы в его дальнейшей жизни.

В статье 1862 года «Из деревни» он говорит о том, что «благодатные плоды вечно творческого духа [т. е. образование в России] все ниже и ниже собственною тяжестью наклоняют к корню [т. е. к национальному воспитанию] плодоносные ветки»³¹. Метафора восходит к Менахему Реканати, еврейскому мистика XIII — начала XIV века, у которого падение созревших плодов на родную землю сравнивается с возвращением человеческой души к ее Божественному источнику³².

Глубокой моральной проблемой, в течение долгих лет занимавшей Фета и сопряженной, в частности, с его судейскими обязанностями, было концептуальное различие добра и зла. Для нее он находит чисто практическое решение, о котором в сентябре 1880 года пишет Толстому в полемическом послании, насыщенном антихристианскими и антиаскетическими тонами: «Мне стоит *только не делать другому того, что мне неприятно самому*»³³. На деле перед нами классическая цитата из не упомянутого им рабби Гиллеля, который называл этот принцип основой всей Торы — всего еврейского Закона: «*Не делай ближнему своему того, чего не желаешь себе*». (Талмуд; Шаббат 31а.) Правовое мышление Фета вообще ак-

³¹ Фет А. А. Сочинения и письма: В 20 т. Т. 4. СПб. 2007. С 180.

³² См.: Идель М. Каббала: Новые перспективы. Пер. с иврита и англ. К. Бурмистрова. М. 2010. С. 95. Показательно, что тот же мотив из Реканати, хотя и поданный в совершенно ином плане, мы найдем у Ходасевича — филосеμίта и переводчика еврейских поэтов: «...Так яблонь осенью стоит, отягощенная плодами. // И не постигнуть юным, вам, Всей нежности неодолимой, С какою хочется ветвям Коснуться вновь земли родимой» («И весело, и тяжело...»).

³³ ЛН. Т. 103. Кн. 2. М. 2011. С. 90. (Письмо пропущено в «Переписке Л. Н. Толстого с русскими писателями».) Там же, на с. 91, см. примеч. Т. Г. Никифоровой.

центрирует отрицательные, т. е. чисто ограничительные или запретительные нормы типа тех, что преобладали в Законе Моисея, но в процитированном письме он ссылается лишь на «закон» самой природы, требующей возмездия. Толстой же в ответ называет благом или счастьем христианское непротивление злу, а равно способность «прощать и любить ближнего»³⁴.

В то же время, в разительном отличии и от христиан, и от иудеев, Фет отвергает тему загробного воздаяния. Подобно гернгутерам и остальным пиетистам, он превозносит смерть — но у него ее врата ведут, как правило, в желанное небытие, а не в царство небесное. Кажется, это был единственный в мире поэт, назвавший жизнь льдом, да еще «мгновенным», а смерть — «бездонным океаном». Тем не менее, он прилежно обустроивал свой житейский «лед», до поры отгораживаясь от бездны службой, чинами, именем и, главное, стихами как волшебной иллюзией обретенной вечности. Здесь не место вдаваться в сложный и довольно путаный набор его метафизических категорий, однако в них доминирует как раз эта, фундаментальная и почти элементарная, на первый взгляд, оппозиция: небытие — бытие.

Ему в высшей степени присуща была та раздвоенность, которую Андре Моруа в своей книге о Дизраэли считал отличительным свойством «человека Востока»: деятельное стремление к жизненным благам — и, одновременно, обостренное сознание их тщетности. Неудивительно, что любимым библейским персонажем и автором для Фета был, наряду с законодателем Моисеем, царь, судья и поэт Соломон — его он чаще всего и упоминает в своих отсылках к Писанию. Это Соломон, взятый под углом именно такой дихотомии: в диапазоне от Третьей книги Царств и домостроительных текстов — Притчей и Книги Премудрости — до Экклезиаста с его трагической темой суеты, не спасающей от уничтожения; словом, Соломон, соединившийся с Шопенгауэром. В данном сообщении, однако, я позволю себе упомянуть лишь о первом из этих смысловых полюсов, связанном с понятием

³⁴ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. М. 1978. С. 105.

бытия и творения в повседневной этике Фета. (К сожалению, за рамками столь краткого изложения мне придется оставить и дополнительные — антично-языческие источники его миро-восприятия.)

Из Верро он вынес идеалы упорной созидательной работы, которыми руководствовался всю свою жизнь и которые выказывали неизбывную зависимость от ветхозаветных добродетелей протестантизма³⁵. Но Фет идет дальше: он как бы возвращается к собственно иудейскому первоисточнику этих ценностей. Попросту говоря, на Ветхий Завет он опирается несравненно чаще и охотнее, чем на Новый.

Для своих аграрных и прочих трудов Фет находит прямую санкцию в Законе Моисея, причем как раз тогда — на рубеже 1880-х годов, — когда пересказывает приведенную выше максимуму рабби Гиллея, отстаивающую самоценность любого индивидуального существования. Это время его напористой полемики с новым, христианско-аскетическим учением Льва Толстого, которое он считает безответственным эскапизмом и которому противопоставляет креационистский пафос Ветхого Завета.

Еврейское происхождение своей библейской морали он как бы маскирует при этом юдофобским шаблоном. В письме Толстому от 17—18 июля 1879 г. Фет говорит: «Земля-кормилица скупа, как жид. „В поте лица своего снеси хлеб твой”», — сказано на пороге потерянного рая <...> Непонимание этого краеугольного закона и есть наша общая человеческая, а тем паче русская беда»³⁶. Позже, 19 марта 1880 года, он снова напоминает ему: «Вы работаете, стало быть, живете по закону Моисея, вне которого нет человеку ни радости, ни счастья». Это значит, что, вопреки апостолу Павлу, истинное счастье состоит не в «благодати», а в вечном «законе», который, выходит, вовсе не отменен и не заменен Евангелием. И затем нагнетается ветхозаветный мотив добытого блага — рефрен из первой главы Книги Бытия, описывающей сотворение мира («И увидел Бог,

³⁵ Подробно о школе в Верро, как и о гернгутерских традициях, см.: Klenin E. Op. cit. P. 77—80. См. также: Блок Г. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л. 1924. С. 14—19.

³⁶ Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 73.

что это *хорошо*): «А наше дело, — продолжает Фет, — <...> побольше *хорошей* пшеницы, да *хороших* животных, а затем *хорошее* устройство парка <...> — а радости и заботы на целое лето»³⁷.

Более того, поясняет он по поводу закона Моисея, «я во всех случаях с ним совершенно согласен, за исключением Субботнего дня, так как я не Еврей <...> Я не верю, что нарушение X заповедей зло, а вижу и чувствую всеми 5 чувствами, т. е. знаю» (письмо от 10 июня 1879 г.)³⁸. Через полгода, 16 января 1880 г., он повторяет: «Мой личный кодекс исчерпывается X заповедями, которых стараюсь не нарушать, и не потому, что я дошел до этого умом, а потому, что мне самому это нарушение больно»³⁹.

В тех не слишком частых случаях, когда Фет славословит Бога, он видит в Нем не Спасителя, а Создателя. Евангелие ему просто не нужно — и при каждой возможности он почти-тельно третирует его в качестве прекрасного, но заведомо недостижимого, а потому праздного идеала. Не сказывалась ли эта подчеркнута ветхозаветная ориентация на той неприязни, которую в домашнем кругу Толстого питали к поэту и которая, как уже говорилось, была сопряжена с его предположительным еврейством?

Я не берусь судить, насколько его религиозные предпочтения были predeterminedены наследственностью, но в житейском плане весь духовный маршрут Фета — это блуждания на обратном пути от Павла к Савлу.

³⁷ Там же. С. 90, 91.

³⁸ ЛН Т. 103. Кн. 2. С. 82. (В «Переписке» письмо пропущено.)

³⁹ Там же. С. 84. (В «Переписке» письмо пропущено.)